ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

CC BY 4.0

DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-41-47
УДК 338;26/.28(045)
JEL O21

Управление рисками в системе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации

Р.Р. Гумеров[a], И.А. Кириченко[b]

[a] Центр развития программно-целевого управления ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия;
[b] Центр государственного регулирования, инвестиционного и институционального развития Института макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
[a] https://orcid.org/0000-0003-1057-9434; [b] https://orcid.org/0000-0002-1657-5648

АННОТАЦИЯ

На основе анализа современной ситуации на внутреннем продовольственном рынке и оценки действующей нормативно-правовой базы в статье обосновывается необходимость перехода к новой модели планирования и управления продовольственной безопасностью страны, которая условно может быть названа моделью «больших вызовов». Обеспечение продовольственной безопасности представляет собой непрерывный процесс, характеризующийся периодической сменой тактических задач и ориентиров, механизмов их решения на фоне растущего дефицита информации и постоянно меняющейся внешней среды. Сформулированы основные принципы новой модели: сочетание стратегического планирования и оперативно-тактического управления развитием внутреннего продовольственного рынка, интеграция долгосрочных структурных мер по повышению доходов российского населения с механизмами внутренней продовольственной помощи, формирование системы управления рисками, в том числе ценовыми рисками и рисками, возникающими при экспорте продукции агропромышленного комплекса, сценарное прогнозирование. Имеющаяся нормативная база в сфере стратегического планирования и управления не предполагает имплементации такой модели, а используемые методы и инструменты государственной политики не дают возможности реализовать ее основные принципы на практике. В работе сформулированы основные направления и механизмы настройки новой модели применительно к задачам обеспечения продовольственной безопасности российского населения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации; большие вызовы; риски; стратегическое планирование; адаптивная стратегия

Для цитирования: **Гумеров Р.Р., Кириченко И.А. Управление рисками в системе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. *Мир новой экономики*. 2021;15(4):41-47. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-41-47**

ORIGINAL PAPER

Risk Management in the Food Security System of the Russian Federation

R.R. Gumerov[a], I.A. Kirichenko[b]

[a] Development Centre of Target Program Management of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia;
[b] Centre for State Regulation, Investment, and Institutional Development of the Institute for Macroeconomic Research of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
[a] https://orcid.org/0000-0003-1057-9434; [b] https://orcid.org/0000-0002-1657-5648

ABSTRACT

Based on the analysis of the current situation in the domestic food market and the assessment of the current regulatory framework, the article substantiates the need for a transition to a new model of planning and managing the country's food security, which can be conventionally called the "big challenges" model. Ensuring food security is an ongoing process characterized by a periodic change in tactical tasks and guidelines, mechanisms for their

© Гумеров Р.Р., Кириченко И.А., 2021

solution against the background of a growing lack of information and a constantly changing external environment. We formulated the main principles of the new model: a combination of strategic planning and operational-tactical management of the development of the domestic food market, the integration of long-term structural measures to increase the income of the Russian population with the mechanisms of domestic food aid, the formation of a risk management system, including price risks and risks arising from export products of the agro-industrial complex, scenario forecasting. The existing regulatory framework in the field of strategic planning and management does not imply the implementation of such a model, and the methods and instruments of state policy used do not make it possible to implement its basic principles in practice. The paper formulates the main directions and mechanisms for adjusting the new model in relation to the tasks of ensuring the food security of the Russian population.
Keywords: food security; Food Security Doctrine of the Russian Federation; big challenges; risks; strategic planning; adaptive strategy

For citation: **Gumerov R.R., Kirichenko I.A. Risk management in the food security system of the Russian Federation. *The World of New Economy*. 2021;15(4):41-47. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-41-47**

В самом общем виде безопасность — это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» деятельность по ее обеспечению включает в себя: «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области обеспечения безопасности; разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности и ряд других направлений и мероприятий»[1].

Основные направления государственной экономической политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации конкретизированы Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации[2] (далее — Доктрина). Доктрина определяет продовольственную безопасность как «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни». Согласно известному утверждению американского криптографа и специалиста по компьютерной безопасности Брюса Шнайера «безопасность — это процесс, а не результат». Применительно к обеспечению продовольственной безопасности этот тезис означает, что она должна обеспечиваться непрерывным совместным использованием долгосрочных, тактических, ситуативных мер государственной политики. Обеспечение продовольственной безопасности есть непрерывный процесс, характеризующийся сменой тактических задач и ориентиров, механизмов их решения, хотя бы потому, что меняются сами наши представления об адекватном питании и рациональных нормах потребления.

Теоретический анализ и эмпирические знания о развитии ситуации на внутреннем продовольственном рынке свидетельствуют о том, что положения Доктрины не доведены до уровня практических механизмов и алгоритмов управления рисками продовольственного обеспечения. Формулировки перечисленных в Доктрине рисков и угроз обеспечения продовольственной безопасности неконкретны и неоперациональны, они не привязаны к определенным индикаторам и показателям обеспечения продовольственной безопасности, источникам риска, опасным событиям и их последствиям, возможностям и механизмам государственного регулирования продовольственного рынка (включая регулиро-

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ«О безопасности» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

[2] Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/.

вание внешнеторговой сферы). Меры по обеспечению продовольственной безопасности также сформулированы в Доктрине достаточно общо, без привязки к специфическим стратегическим целям, тактическим задачам и индикаторам текущего состояния продовольственной безопасности.

Более того, из обновленной редакции Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия[3], которая подготовлена в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» и вступает в силу с 1 января 2022 г., изъята цель обеспечения продовольственной безопасности (независимости).

Экономика XXI в. развивается в условиях «больших вызовов» — совокупности проблем, угроз и возможностей, которые требуют безусловной реакции со стороны государства, при этом сложность и масштаб этих проблем и возможностей таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов[4]. Генезис «больших вызовов» связан, с одной стороны, с усложнением взаимодействий технологических, институциональных, финансовых элементов современной экономики, с другой — возрастанием фундаментальной «неопределенности будущего» и дефицитом информации. Большие вызовы создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор появления новых возможностей и перспектив научно-технологического и социально-экономического развития (новых «окон возможностей») [1]. В условиях растущей фундаментальной неопределенности особое значение приобретает управление рисками (риск-менеджмент), поскольку риск существенного отклонения от ожидаемых результатов экономической деятельности, в том числе по обеспечению продовольственной безопасности, значительно возрастает с расширением горизонтов стратегического планирования [2, 3].

Важно отличать риски от субъективных ошибок (в обосновании задач, набора мероприятий и/или необходимых объемов их финансирования), которые могут привести к недостижению поставленных целей. Подобные ошибки должны быть исключены на стадии планирования программ, проектов, отдельных мероприятий. В отличие от таких предсказуемых факторов, мероприятия по нейтрализации, снижению уровня воздействия, ликвидации последствий опасного события могут иметь исключительно общепрофилактический характер. К классическим рискам можно отнести, например, неблагоприятное развитие эпидемиологической ситуации, которая создалась в конце 2019 г.: пандемия COVID-19 и ее демографические, экономические и социальные последствия. Хотя в теории такие конкретные события могут рассматриваться как вероятные[5], очевидно, что заранее подготовиться к пандемии и нейтрализации ее конкретных последствий не представлялось возможным. Также следует различать риски и воздействие устойчивых негативных факторов (например, режим санкций), влияние которых достаточно изучено и должно быть оценено и учтено на стадии разработки проекта путем корректировок объемов финансирования мероприятий и/или плановых значений показателей проекта.

Российская экономика на протяжении последних лет демонстрирует высокий запас прочности по отношению к кризисным явлениям, мобилизационную готовность к преодолению кризи-

[3] Постановление Правительства РФ от 02.09.2021 № 1474 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

[4] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/.

[5] Еще в 2015 г. журнал Nature опубликовал статью о создании смертельно опасного для человека искусственного вируса в результате экспериментов американских ученых с летучими мышами. В октябре 2019 г. университет Джонса Хопкинса при участии Фонда Билла и Мелинды Гейтс и Всемирного экономического форума проводил пандемические учения Event 201(событие 201), в ходе которых моделировался процесс распространения пандемии нового гипотетического зоонотического коронавируса, передаваемого сначала от летучих мышей к свиньям и далее к человеку. По результатам моделирования в течение первых 18 месяцев «погибло» 65 млн чел., в течение 18 месяцев торговля и передвижение людей по планете были парализованы, а мировая экономика оказалась в коллапсе (падение на 11%).

сных ситуаций в режиме ручного управления, однако ценовые скачки на продовольственном рынке осенью 2020 г. в очередной раз продемонстрировали отсутствие встроенных механизмов и процедур автоматического реагирования на риски продовольственного обеспечения населения страны [4]. Во второй половине 2020 г. страна столкнулась с заметным ростом цен на основные продукты питания, выходящим за пределы средних темпов агфляции, наблюдавшихся в последние годы. В целом рост цен на наблюдаемые продовольственные товары составил в 2020 г. 106,7%, что является самым высоким показателем за последние 5 лет — с момента введения санкций в отношении России и принятия ответных защитных мер в 2014 г. Частично, конечно, рост продовольственных цен был обусловлен распространением коронавирусной инфекции, но влияние последней нельзя преувеличивать. В европейских странах санитарно-эпидемиологическая обстановка была не менее серьезной, чем в России, однако рост цен на продукты питания в странах ЕС был заметно ниже, чем в нашей стране[6]. Рост цен имел выраженный избирательный характер и в наибольшей степени затронул отдельные сегменты продовольственного рынка. При общем росте продовольственных цен на 6,7% цены на сахарный песок выросли на 64,5%, на подсолнечное масло — на 25,9%, на крупы и бобовые — на 20,1%[7]. Такие структурные перекосы объяснить влиянием пандемии нельзя.

В конце февраля 2020 г. авторы *Bloomberg* назвали Россию одной из пяти стран мира со средним уровнем развития, в которых эффект глобального роста продовольственных цен может быть наиболее ощутимым [5]. С этим можно согласиться, поскольку ценовые скачки на внутреннем продовольственном рынке особенно болезненно ощущаются российским населением в связи с низким общим уровнем доходов и их существенной дифференциацией по группам населения [6, 7]. В 2019 г. расходы на продукты питания (без алкогольных и неалкогольных напитков) составляли 35,2% всех расходов российских домохозяйств на конечное потребление[8]. Ситуация усугубляется значительной дифференциацией доходов граждан (домохозяйств), в результате которой порядка 19–20 млн чел. не имеют возможности приобрести даже минимальный набор продуктов питания. Очевидно, что любые скачки цен на отдельные группы и даже виды продовольственных товаров при имеющейся структуре расходов оказывают негативный мультипликативный эффект на всю сферу личного потребления. Повышение цен на основные продукты питания, относящиеся к категории приоритетных и незаменяемых (не имеющих альтернативы), может даже и не оказывать существенного влияния на объемы их потребления, однако ведет к сокращению объема средств, которые домохозяйство может потратить на другие актуальные потребности (жилье, транспорт, связь, промышленные товары, здравоохранение, образование, рекреация).

Безусловно, фундаментальной основой для борьбы с продовольственной инфляцией, наряду с ростом эффективности отечественного агропромышленного комплекса, является рост доходов населения от основной трудовой деятельности и/или иных легальных источников доходов на основе системной технико-технологической модернизации российской экономики и создания высокопроизводительных рабочих мест, формирования многоуровневой системы стратегического планирования, развитых рынков, свободных от монопольных проявлений. В данной статье хотелось бы остановиться на мерах оперативно-тактического управления рисками ценовых скачков на внутреннем продовольственном рынке.

Как и ранее, в 2007–2008, 2010–2012 и 2014 гг. управление рисками продовольственного обеспечения в 2020–2021 гг. свелось к ситуативному реагированию на уже реализовавшиеся последствия опасных событий. Были реанимированы временные многосторонние соглашения об ограничении цен[9], экстренные таможенно-тариф-

[6] Справка «Об индексах потребительских цен в России и зарубежных странах в декабре 2020 года». URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B 09_03/IssWWW.exe/Stg/d02/ind-zen2901.htm.

[7] Оперативные данные по индексу потребительских цен за декабрь 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Irep0Kmp/CPI-dec.pdf.

[8] Доходы и расходы домашних хозяйств на потребление. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/8JZxiZIM/doh07_05.xlsx.

[9] Постановление Правительства РФ от 14.12.2020 № 2094 (ред. от 27.03.2021) «О соглашениях между федеральными органами исполнительной власти и хозяйствующими субъектами о снижении и поддержании цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370922/.

ные ограничения[10]. К оценке обоснованности отдельных фактов повышения цен вновь были привлечены органы прокуратуры.

Новая парадигма стратегического планирования и управления [8] требует создания прозрачной и предсказуемой системы упреждающего реагирования на изменения конъюнктуры продовольственного рынка с использованием набора определенных стандартных инструментов и типовых сценариев реагирования на ценовые флуктуации в зависимости от их причин, величины и прочих факторов. Основу системы должны составлять среднесрочные планы управления рисками продовольственной безопасности, согласованные как с приоритетами и целями развития отечественного АПК, так и с планами управления рисками на разных уровнях и в различных сферах управления. К примеру, рынок сахара стал подавать ценовые сигналы еще в середине июля 2020 г., когда цены производителей на сахар начали заметно повышаться. Если в начале июля цены промышленных производителей на сахар белый свекловичный составляли 25,44 руб./кг, то к концу октября достигли 41,35 руб./кг[11]. При этом перерабатывающие заводы продолжали использовать сырье урожая прошлого сезона, т.е. рост цен был спровоцирован не увеличением производственных затрат, а рыночными ожиданиями. Очевидно, что исполнительная власть должна была реагировать на динамику цен производителей уже в тот момент, не дожидаясь всплеска розничных цен на сахар в торговой сети осенью того же года.

По следам последнего ценового скачка на продовольственном рынке были приняты меры по расширению прав исполнительной власти в сфере регулирования цен на продовольственном рынке на основе их непрерывного мониторинга[12]. Однако механизм регулирования по-прежнему настроен на ситуативное реагирование на ценовые скачки (сначала отслеживаем, фиксируем, затем разрабатываем конкретное решение), причем инструменты такого реагирования четко не определены, процедуры растянуты по времени.

Поскольку риски имеют вероятностный характер, в рамках подготовки планов управления рисками следует разрабатывать различные прогнозные сценарии управления рисками. Очевидно, что назрела потребность в совершенствовании методологии стратегического планирования, переходе от так называемой формирующей стратегии к адаптивной. В рамках последней желаемые результаты представляются в виде нескольких альтернативных вариантов будущего, диапазона возможных сценариев развития событий, ответных действий исполнительной власти и ожидаемых результатов [9]. Каждый из сценариев должен будет учитывать определенную комбинацию следующих факторов: опасные события, их источники и последствия; уровень риска и приемлемые (принимаемые) границы его распространения; нормативные, организационные, финансовые возможности воздействия на риск; способ обработки риска и соответствующий регламент действий. Разработанные регламенты должны последовательно реализовываться в автоматическом режиме при достижении неких пороговых или предельных значений ценовых и иных параметров внутреннего продовольственного рынка [10].

Представляется, что необходимо скорректировать приоритеты социально-экономической политики в отношении экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия; стимулирование последнего находится в латентном противоречии с целями обеспечения продовольственной безопасности. Анализ развития продовольственной ситуации в стране показывает, что экспорт, ориентированный на уровень и динамку цен на мировых рынках, выступил одним из триггеров последнего по времени ценового всплеска на внутреннем продовольственном рынке и ухудшения продовольственного статуса значительной части российского населения.

[10] Постановление Правительства РФ от 10.12.2020 № 2065 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370533/.

[11] О ситуации на рынке сахара (29 июня — 3 июля 2020 г.). URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/a3e/a3ec04b4aef209ab6ddbd3bfceabbc4d.docx; О ситуации на рынке сахара (26–30 октября 2020 г.). URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/383/383c177a363b3ebc53c0163e3a07b594.docx.

[12] Распоряжение Правительства РФ от 27.02.2021 № 497-р «Об утверждении перечня групп потребительских товаров и услуг, относящихся к сфере ведения федеральных органов исполнительной власти для целей анализа причин роста потребительских цен и выработки мер экономического регулирования, направленных на обеспечение сбалансированности рынков потребительских товаров и услуг». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378654/.

В связи с назревшей сменой модели стратегического планирования нелишне будет вспомнить опыт разработки многотомной Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий и адаптировать его к современным условиям. В частности, по-прежнему актуальными остаются научные принципы, на которых разрабатывалась Программа: многосценарность, оценка «узких мест», «точек роста», рисков и угроз социально-экономическому развитию, реалистичность и амбициозность поставленных целей, задач и их плановых значений; каскадная декомпозиция целей, взаимное согласование показателей программы в самых различных аспектах и направлениях (технологическое, экономическое, социальное развитие); обоснование практически реализуемого инструментария достижения заявленных целей и решения поставленных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В.В. Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций. *Экономическое возрождение России.* 2020;(1):6–14.
2. Бобрышев И.С., Ведерникова А.В., Воронин В.В., Ерина Н.В., Тюпышев Д.А. Механизмы прогнозирования и стратегического целеполагания социально-экономического развития Российской Федерации. *Мир новой экономики.* 2020;14(1):88–100. DOI: 10.26794/2220–6469–2020–14–1–88–100
3. Кириченко И.А., Гумеров Р.Р. Реализация национальных целей и стратегическое планирование: фактор управления рисками. *Российский экономический журнал*. 2019;(6):52–62. DOI: 10.33983/0130–9757–2019–6–52–62
4. Гумеров Р.Р. Невыученные уроки ценовых скачков на продовольственном рынке. *Российский экономический журнал*. 2021;(3):25–45. DOI: 10.33983/0130–9757–2021–3–25–45
5. De Sousa A., Diamon J. The five hotspots where food prices are getting people worried. Bloomberg Wealth. Feb. 28, 2021. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021–02–28/the-five-hotspots-where-food-prices-are-getting-people-worried?srnd=premium-europe&sref=Y 0jVLcFo
6. Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия. *ЭКО: всероссийский экономический журнал*. 2021;(2):165–175. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–165–175
7. Хайруллина О.И. Оценка финансовой доступности продовольствия: зарубежный и отечественный опыт. *Продовольственная политика и безопасность.* 2021;8(2):107–118. DOI: 10.18334/ppib.8.2.112043
8. Ленчук Е.Б., Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования*. 2020;(6):46–55. DOI: 10.47711/0868–6351–183–46–55
9. Сильвестров С.Н., Крупнов Ю.А., Старовойтов В.Г. Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании. *Российский экономический журнал*. 2021;(1):32–44. DOI: 10.33983/0130–9757–2021–1–32–44
10. Виссарионов А.Б., Гумеров Р.Р. Об использовании предельных (пороговых) значений индикаторов экономической безопасности Российской Федерации. *Управленческие науки*. 2017;7(3):12–20.

REFERENCES

1. Ivanov V.V. Methodological aspects of strategic planning in the context of global transformations. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia.* 2020;(1):6–14. (In Russ.).
2. Bobryshev I.S., Vedernikova A.V., Voronin V.V., Erina N.V., Tyupyshev D.A. Forecasting and strategic goal-setting mechanisms of social-economic development of the Russian Federation. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy.* 2020;14(1):88–100. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2020–14–1–88–100
3. Kirichenko I.A., Gumerov R.R. Realization of national goals and strategic planning: Risk management factor. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal.* 2019;(6):52–62. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130–9757–2019–6–52–62
4. Gumerov R.R. Unlearned lessons of food price spikes. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal.* 2021;(3):25–45. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130–9757–2021–3–25–45

5. De Sousa A., Diamon J. The five hotspots where food prices are getting people worried. Bloomberg Wealth. Feb. 28, 2021. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021–02–28/the-five-hotspots-where-food-prices-are-getting-people-worried?srnd=premium-europe&sref=Y 0jVLcFo
6. Kalugina Z. I. Economic accessibility of food: Regional and social differences. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal.* 2021;(2):165–175. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–165–175
7. Khayrullina O. I. Assessing the financial affordability of food: Foreign and domestic experience. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security.* 2021;8(2):107–118. (In Russ.). DOI: 10.18334/ppib.8.2.112043
8. Lenchuk E. B., Voitolovskii F. G., Kuvalin D. B. Strategic planning in public administration: Experience, opportunities and prospects. *Studies on Russian Economic Development.*2020;31(6):621–628. DOI: 10.1134/S 1075700720060106 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya.* 2020;(6):46–55. DOI: 10.47711/0868–6351–183–46–55).
9. Silvestrov S. N., Krupnov Yu.A., Starovoitov V. G. Determination and implementation of national development goals in Russian strategic planning. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal.* 2021;(1):32–44. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130–9757–2021–1–32–44
10. Vissarionov A. B., Gumerov R. R. Concerning the use of indicators' marginal (threshold) values of Russian Federation economic security. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia.* 2017;7(3):12–20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Рустам Раулевич Гумеров — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра развития программно-целевого управления ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
Rustam R. Gumerov — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Centre for Development of Target-Programming Management of the Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
gumerovrr@mail.ru

Ирина Алексеевна Кириченко — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра государственного регулирования, инвестиционного и институционального развития, Институт макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия
Irina A. Kirichenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Centre for State Regulation, Investment and Institutional Development of the Institute for Macroeconomic Research of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia
94522@bk.ru

Статья поступила 01.07.2021; после рецензирования 26.07.2021; принята к публикации 20.08.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 01.07.2021; revised on 26.07.2021 and accepted for publication on 20.08.2021.
The authors read and approved the final version of the manuscript.